

Соколовъ и Даниленокъ.

I.

Въ день весенній, голубой,
Они пришли на судъ.
Даниленокъ блѣдный былъ, прямой
И тоненькій, какъ пруть.
А Соколовъ сутулилъ плечи,
Все опускалъ рѣсницы...
Такія разныя эти лица!
Была случайной встрѣча?

Они вошли и сѣли рядомъ,
Строгие, безъ словъ.
Не обмѣнялись даже взглядомъ—
Даниленокъ и Соколовъ.
И было видно, что ихъ мучаетъ,
Тревожить свѣтъ весны...
Ихъ имена жестокимъ случаемъ
Навѣки сплетены.

Ихъ дѣло здѣсь, въ тетради красной,
За номеромъ девяностымъ.
А все несказанное, неясное,
Додумать вѣдь такъ просто!

II.

Это ночью случилось, работала смѣна ночная.
Даниленокъ, согнувшись, недвижно сидѣлъ подъ машиной.
Ночь была голубая,—это было въ началѣ мая,—
Ночь короткой была, а казалась очень длинной...

Всѣ устали... И это случилось неожиданно:
Надавилъ Соколовъ безшумный тонкій рычагъ.
Колесо повернулось, и товарищъ упалъ, крича...
Ремень зашипѣлъ, и машина рванула...

Нѣтъ, дальше нельзя говорить!
Дальше видѣть не надо,—
Развѣ можно на кровь смотрѣть?
Ей отъ лишняго взгляда еще больнѣе краснѣть.

III.

Принесли. Уложили на чистую бѣлую койку.
Повезли на колесикахъ въ бѣлый и свѣтлый залъ.
Суетился служитель, тараторилъ съ врачами бойко...
Здѣсь умирають? Ну, кто бы это сказалъ!

Сквозь стеклянныя стѣны свѣтило солнце ясно,
И казалось, лишь радость весенняго дня—настоящее...
А подъ маской изъ марли Даниленокъ лежалъ безгласно,
Словно спящій.

Онъ проснулся лишь въ синія сумерки,
Онъ проснулся безрукій.
Оглянулся, вздохнулъ: я не умеръ?
Застоналъ отъ внезапной муки.
Вдругъ вся жизнь изломалась, и сердце стало
Какъ погашенная свѣча.
Сестра, наклонясь, ничего не сказала,
Самъ увидѣлъ, какъ плоско лежитъ одѣяло
У праваго плеча...

IV.

Что онъ продумалъ въ палатѣ бѣлой,
Въ палатѣ чистой, какъ смерть?
Въ небо весеннее, въ небо несмѣлое
Долго онъ будетъ глядѣть?
Чего онъ ищетъ въ глубинахъ смутныхъ,
Гдѣ мѣсяцъ новый тонокъ,
Онъ, безработный, онъ, безпріютный,
Безрукій Даниленокъ?

Мысли о томъ, кто былъ палачомъ,
 Усталымъ и случайнымъ...—
 Мы ихъ не узнаемъ, мы не поймемъ,
 Онъ останется тайной,
 Тайной бѣдой палаты,
 Гдѣ постели страданьемъ смяты,
 Гдѣ черныя ширмы стоятъ,
 Охраняя предсмертный взглядъ,
 И въ бессонницу каждый устало
 Проживаетъ всю жизнь сначала.

V.

Онъ вышелъ на волю полубольной,
 Ему сказали: зовуть.
 Въ день весенній и голубой
 Пришелъ Даниленокъ на судъ.

Онъ обвиненнаго просто встрѣтилъ,
 Руку лѣвую подаль устало.
 Ярko играли лучи на паркетѣ
 Полупустого зала.
 Тамъ, у окошекъ, прыгали дѣти,
 Капѣль немолчно стучала...
 Свѣтлое небо въ окна глядѣло,
 Все было обыкновенно,
 Сукна, зеркало, вопросъ неизмѣнный:
 — Что сообщите по дѣлу?

„Онъ меня не могъ видѣть“,—
 Первые слова Даниленка.
 „Онъ меня не могъ видѣть“,—
 Повторялось часто и звонко.
 „Онъ меня не могъ видѣть,
 Часъ поздній... темень подъ машиной...“
 Это было оправданье, рѣшенное заранѣе,
 Страстное, спутанное, длинное.

Не говорилось объ увѣчьи,
 О томъ, что отнята рука.
 Совсѣмъ, совсѣмъ не было рѣчи,
 Какъ будетъ жизнь теперь тяжка.

Судья не зналъ всей острой боли,
 Душа судьи была легка.
 Вѣдь записали въ протоколъ
 Нестрашно: ранена рука.

Что было послѣ, тамъ, въ палатѣ,
 Все Даниленокъ умолчалъ.
 Скрыло плотное зимнее платьѣ
 То, чего здѣсь никто не зналъ...
 Чтобъ обвиненнаго оправдать,
 Онъ такъ хорошо, такъ свято лгалъ!

VI.

Стояли оба чинно рядомъ,
 Когда судья всталъ,
 Въ раздуми обвелъ взглядомъ
 Полупустой залъ,
 И въ лица посмотрѣлъ имъ зорко,
 Настойчиво, въ упоръ,
 И произнесъ скороговоркой
 Желанный приговоръ.

Они стояли рядомъ, близко,
 Не проронивъ ни слова.
 Лишь опустились низко-низко
 Рѣсницы Соколова.
 Онъ громко вымолвить не смогъ:
 „Спасибо, дорогой...“
 И молча подписалъ листокъ
 Дрожащею рукой.

Горѣло солнце, какъ алмазь,
 Надъ свѣтлой головой,
 Когда перо въ этотъ часъ
 Юноша другой,
 Не опуская свѣтлыхъ глазъ,
 Бралъ лѣвою рукой.

Писцы слѣдили удивленно
 За неловкимъ перомъ.
 Судья придвинулся, смущенный,
 Вздрогнулъ, какъ отъ грома,

И вдругъ спросилъ, еще не вѣря:
„Кисть? Одинъ суставъ?“
Судья замѣтилъ лишь теперь
Жуткій плоскій рукавъ.

Калѣка съ горечью неожиданной
Отвѣтилъ: „вся рука“.
И, словно заново израненный,
Поблѣднѣлъ слегка...
И, по-земному справедливый,
Померкнулъ приговоръ.

Какъ отъ внезапнаго укора,
Всѣ опустили взоръ,
А самъ судья такъ тоскливо
Вдругъ оглядѣлъ палату...
Ужасъ былъ въ словахъ правдивыхъ:
„Никто не виноватъ“.

Такъ же сіяла цѣпь на шеѣ
У праваго судьи.
Такъ же за окнами въ аллеѣ
Летали воробы,
Ломались льдинки, голубѣя,
И птицы щебетали...
И ни на мигъ въ судебномъ залѣ
Не стало темнѣ!

Марія Моравская.